

формации, имеющего следующие характерные особенности:

Во-первых, современный исторический период – не просто новый век или новое тысячелетие, это качественно иной этап планетарной эволюции, этап становления глобальной цивилизации.

Во-вторых, доминантой наступающего будущего является интеграция всех сторон человеческой деятельности, все более зримо проявляющих себя как аспекты единого процесса революционных изменений.

В-третьих, качественно новое состояние мира ставит человечество перед необходимостью активного и осознанного соучастия в формировании новой планетарной цивилизации. В ином случае вероятность ее деградации резко возрастает.

В-четвертых, происходящие процессы выдвигают человека в качестве ключевой фигуры нового века. Сохранение специфики и уникальности всего того, что было накоплено человечеством в ходе своей долгой истории – залог выживания общечеловеческих ценностей в изменившемся мире.

В-пятых, человечество находится в не имеющем аналогов интенсивном процессе глобализации и трансформации социально-политических структур

(об этом подробно говорил известный российский социальный психолог Виктор Новиков на Международном симпозиуме «Социальная психология – XXI век»), а также техносферы, активно влияющей на систему «человек – окружающая среда».

Научная парадигма, которая структурируется в психологии XXI столетия, должна целостно представлять все уровни человеческого сознания и иметь интегративный характер. Более того, будущее науки о человеке – в интегративной психологии. Она не только учитывает духовные измерения человеческого существования, но и соизмерима с обыденным человеческим существованием и инструментально адаптирована к его проблемам жизни в обществе.

Именно *интегративный проект в психологии* дает возможность более широкого, целостного и многогранного взгляда на человеческую природу и всю Вселенную. С позиции этого подхода представляется возможным свести воедино основные положения четырех ведущих направлений в психологии и психотерапии: психоанализа, бихевиоризма, гуманистического и трансперсонального в рамках концептуальной схемы интегративного подхода.

Р.Б. Сапожникова

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Новосибирский государственный педагогический университет

Проблема идентичности и определение психологических оснований ее изучения актуальны не только по причине отмечаемого исследователями кризиса идентичности современного человека, но и в связи с насущными психотерапевтическими задачами. По мнению М.В. Заковоротной, понятие идентичности стало одной из главных тем общественной мысли XX столетия [1]. Л.В. Середа справедливо отмечает, что в «современную эпоху термин “идентичность” может претендовать на исключительную релевантность» [2, с. 1]. Во-первых, следует иметь в виду стремительные социальные изменения, которые приводят к тому, что тождественность, устойчивость и непрерывность личностного опыта, составляющие суть идеи идентичности, начинают осмысливаться как проблема. Во-вторых, имеются методологические основания, акцентирующие понятие «идентичность» в современную эпоху. Как метапонятие идентичность охватывает одновременно онтологию и рефлексивность, но одновременно с этим для научных исследований необ-

ходима конкретизация этого понятия, поскольку при анализе его содержания возникает ряд серьезных проблем.

Поэтому нам представляется достаточно важным не только анализ содержания понятия «идентичность» в рамках существующих исследовательских парадигм, но также и поиск его первоначального значения до того, как данная тема стала объектом исследования в прикладных проектах. Это не только дань традиции. Необходимо учитывать как диалектическую природу самого объекта исследования, так и многозначность самого слова. О.Н. Павлова справедливо замечает, что проблемы возникают уже «при попытке сопоставить происхождение термина со смыслом, вложенным в это понятие» [3, с. 1]. Итак, обратимся к анализу термина «идентичность».

Слово «идентичность» (*identitas*) происходит от классического латинского «*idem*», означающего «тот же самый». В буквальном переводе «*identity*» имеет два значения: узнавание и отождествление.

В русском языке слово «идентичность» появляется с 60-х гг. XIX в., до этого периода употреблялось слово «тождество», означающее соответствие, совпадение с кем- или чем-либо.

В философии термин «идентичность» появляется в работах Д. Локка и Д. Юма, и его использование связывают с процессом индивидуализации в эпоху модерна. Термин «идентичность» становится популярным в 50-х гг. в США после появления работ Э. Эриксона [4, 5].

Э. Эриксон, который, собственно, и ввел этот термин в научный обиход, рассматривал идентичность как процесс, сосредоточенный в сущности человека и культуры, к которой данный индивид принадлежит [4, с. 340]. Фактически идентичность – это определенная форма соответствия человека и культуры. В дальнейших работах, где автор разрабатывает это понятие, оно стало включать такие смыслы, как «быть независимой личностью»; «обладать последовательностью характера»; «быть способным к солидарности с идеями группы»; «быть в ладу со своим телом»; «чувствовать себя удобно с тем, кто и что ты есть».

Отметим, что по крайней мере два определения идентичности, данные Э. Эриксоном, достаточно точно описывают это понятие.

Во-первых, идентичность определяется как субъективное ощущение тождества и целостности своей личности, возникающее спонтанно, неожиданно, как узнавание своей сущности.

Во-вторых, идентичность понимается как результат переживания и осознания своей принадлежности к определенной социальной группе посредством противопоставления существованию других групп [4].

И все же термин «идентичность» используется Э. Эриксоном в различных значениях. Он понимает под ним и сознательное чувство уникальности индивида (самобытность), и бессознательное стремление к непрерывности жизненного опыта, и солидаризацию с идеалами группы.

В последующем этот термин начинает приобретать еще более широкий спектр значений: самоопределение, самобытность, психофизиологическая целостность, непрерывность опыта, постоянство во времени (относительное или сохраняемое в ходе изменений), психологическая определенность, саморегулируемое единство, тождественность (с самим собой или среди разнообразия других объектов), самость как подлинность индивида, социокультурное соответствие, самопринадлежность, самореферентность, целостность, степень соответствия социальным категориям, модель различения «Я» от «не-Я», релевантность внутреннего опыта внешнему.

Зафиксируем основные смыслы, связанные с понятием «идентичность»:

- тождество,
- целостность,
- определенность,
- способ различения «Я» – «не-Я»,
- самость,
- уникальность,
- непрерывность во времени.

Л.Б. Шнейдер, анализируя современные исследования идентичности, выделяет три основных содержания понятия «идентичность»:

- целостность личности как ее интегративное свойство;
- степень соответствия человека группе, полу, этносу, роду или другим категориям;
- самость, подлинность индивида [6, с. 5].

Другой путь определения идентичности обусловлен диалектической природой самого понятия и связан с использованием метода антиномий. В этом случае содержание понятия раскрывают антиномические пары: постоянство – изменение, тождество – различие, внешнее – внутреннее, неслиянность – нераздельность.

В целом можно выделить два контекста, определяющих содержание идентичности: контекст сравнения, определяющий степень соответствия, и контекст развития, задающий постоянство в изменениях.

В последнем случае предполагается, что идентичность достаточно пластична, чтобы переносить изменения, сохраняя при этом переживание непрерывности опыта. Иначе говоря, условия, задающие тождественность, относительно и в большей степени предполагают наличие устойчивых отношений или связей, обеспечивающих психологическую непрерывность и целостность личности.

Это положение очень четко зафиксировано П. Рикером: «...традиционно в понятии “идентичность” смешиваются два значения: идентичности с самим собой (самость) и идентичности как того же самого» [7, с. 20]. Эта двусмысленность отразилась прежде всего в психологических концепциях личности. Обратимся к комментарию Е.Г. Трубиной по этому поводу: «...идентичность не равна статичной и негибкой идентичности вещей, которая от века обозначалась латинским *ibid*. Напротив, главный ее смысл – самоидентичность персоны, ею самой устанавливаемые непрерывность и постоянство ее жизни, аналогом чего является латинское *ipse*. В силу этого традиционному понятию “самость” П. Рикер противопоставляет термин “*ipsity*”, которому трудно подобрать русский эквивалент, ну, скажем, “самонепрерывность”» [8, с. 114].

Дополнительная трудность в однозначном определении идентичности возникает в связи с тем, что, кроме всего прочего, сам термин соединяет два различных значения. П. Рикер выделяет два латинских

корня, образующих слово «идентичность»: «idem» и «ipse». «Idem» как синоним «в высшей степени сходного», «аналогичного», «того же самого» подразумевает некую форму неизменности во времени. Второй корень – «ipse» – связан с такими словами, как «самость» (ipsite), «сущность» (essentia), происходящими от латинского – «бытие» [7, с. 18].

Именно в значении «подлинности», «сущностного Я» реализуется понимание идентичности в работах авторов экзистенциального направления.

Анализируя идентичность, необходимо также учитывать условность границ личности, внутри которых можно фиксировать «самотождественность и постоянство». Эта условность границ «Я» показана еще У. Джеймсом. В частности, Л.Б. Шнейдер пишет о том, что идентичность является константной только в силу своей психологической определенности и целостности [6].

Многие современные исследователи ставят вопрос о возможности существования идентичности как таковой. Так, в работах П. Бергера и Т. Лукмана тождественность противопоставляется целостности. Авторы полагают, что в современном обществе идентичность открыта для любого внешнего воздействия, поэтому возникает ситуация «отказа от идентичности» ради сохранения целостности личности [9].

И. Гоффман обратил внимание исследователей на тот факт, что при обретении идентичности человек вынужден решать сложнейший вопрос о том, как можно балансировать между двумя иллюзиями – обычностью и уникальностью собственной личности. Для И. Гоффмана проблема идентичности – это проблема возможности ее существования вообще [10].

Можно поставить этот вопрос несколько иначе. Если идентичность развивается, а в современных условиях она претерпевает существенные изменения и трансформацию в различных социокультурных контекстах, то каким образом организуется когерентная система жизненного опыта? Так, в постнеклассической познавательной модели множественность и неоднозначность «Я» рассматривается как необходимое свойство и условие развития зрелой личности в условиях нестабильности, разнообразия, временной множественности современного мира. Здесь используется понятие множественной личности как активно организованных частей «Я», сохраняющих свою структуру при изменениях. С одной стороны, модернистская тематика отчуждения, аномии, одиночества и изоляции предполагает своего рода фрагментарность личности. С другой стороны, в философии модерна как бы не существует проблемы единства «Я»: переживания и действия каким-то образом просто принадлежат единому «Я» и образуют когерентную систему.

Очень важную вещь в понимании идентичности акцентирует Г. Тард: «Тождественность является качеством, создаваемым в процессе имитации мира. Качество “Это я!” первоначально возникает на основе прямых сенсорных связей... затем применяется к некоторым умственным процессам, к определенным формам имитации мира, и когда из памяти извлекаются те или иные воспоминания, то мы всегда получаем их уже с ярлыком “Это я!”» [11, с. 496]. Иначе говоря, основная функция идентичности заключается в самоприсвоении, добавлении качества «Я» к психическому содержанию. Аналогичную мысль высказывает В. Хесле, определяя идентичность как способность индивида осознавать любое отчетливое существование в качестве «своего» [12, с. 5].

В этом случае понятие «идентичность» отсылает нас к форме организации «Я»-опытов в целостную систему, что близко к понятию «сцепляющей самости», используемому Х. Кохутом [13]. Последнее подразумевает оформление опытов переживания самого себя, благодаря чему переживание себя становится цельным, непрерывным и устойчивым.

Если исходить из этого, то идентичность означает именно присущее субъекту чувство непрерывности, связности опыта, поскольку сам по себе опыт и изменяется и развивается. Соответственно меняется и развивается содержание идентичности, которое фактически представляет собой прерывное, непоследовательное переживание, меняющееся в соответствии с изменениями состояния человека либо обстоятельствами его жизни. Именно это обстоятельство отчетливо фиксируется в понятии множественного «Я». Тогда понятие «идентичность» предполагает прежде всего онтологические основания для анализа. Идентичность представляет собой базовый механизм, обеспечивающий выживание личности. Иначе говоря, идентичность как процесс предполагает постоянное воспроизводство формы «Я» для получаемого опыта, благодаря чему мир сохраняет стабильность. В этом смысле именно идентичность придает форму реальности нашей жизни. Содержание идентичности меняется от ситуации к ситуации, но чувство преемственности опыта сохраняется благодаря устойчивости функции самоотождествления, присвоения опыта в качестве своего. Именно постоянство функции порождает чувство тождества «Я», несмотря на то, что актуальное содержание «Я» в зависимости от контекста может существенно меняться. В этом смысле первичная идентичность осознается субъектом в качестве говорящего, слышащего, чувствующего, мыслящего автономного существа и не исчезает у взрослой личности, а составляет основу ее жизни и способ связи, единства с миром.

Можно адекватно раскрыть понятие «идентичность» и путем анализа основных аспектов изучения идентичности как многомерного психического феномена. Обратимся вновь к *онтологическому аспекту* анализа идентичности. В этом плане идентичность обеспечивает человеку переживание онтологической уверенности, «неоспоримой самообосновывающей определенности», как это формулирует Р. Лэйнг [14, с. 33]. С его точки зрения, идентичность означает «обладание чувством своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной и, во временном смысле, непрерывной личности» [14, с. 34]. Это чувство неотъемлемой самости и личной тождественности обеспечивает онтологическую безопасность личности.

Характер внутренней согласованности во многом определяет особенности интерпретации приобретенного опыта и своего бытия в мире.

Изучение онтологического аспекта позволяет описать различные пути реализации идентичности как разные способы освоения «реальностей».

Экзистенциальный аспект изучения идентичности раскрывает ее как способ решения экзистенциальных проблем. Э. Эриксон обосновал, что достижение идентичности невозможно без возникновения основных смыслов развития, таких как «Надежда», «Забота», «Мудрость», «Любовь» и т.д. Другими словами, идентичность определяется как способ жизни в плане отношения с другими людьми и решения экзистенциальных проблем, т.е. как достижение определенной экзистенциальной позиции, противостоящей отчаянию. Эта экзистенциальная позиция предполагает ограничивающее и одновременно сопричастное отношение к миру и другим людям, и ее реализация требует следующих условий:

- ограничения себя;
- присвоения как соотнесения с собственным опытом;
- умения вписаться в общественный контекст, вжиться в него.

В этом плане анализа, по мысли А. Лэнгле, процесс достижения идентичности обусловлен фундаментальными экзистенциальными мотивациями:

- необходимостью справиться с миром, условиями и возможностями, которые он создает;
- необходимостью справиться с жизнью – ростом, созреванием, брэнностью существования и страданиями;
- необходимостью открыться своему будущему, действуя, посвятить себя смыслу [15, с. 40].

Таким образом, экзистенциальный анализ раскрывает содержание идентичности как формирование самооценности в соотнесении с внешним миром через решение экзистенциальных задач.

Интеракционистский подход к идентичности раскрывает ее становление в онтогенезе через со-

циальное взаимодействие. Процессы индивидуализации и социализации, интеграции и дифференциации, идентификации и отчуждения – целостны. С одной стороны, для формирования идентичности требуется ограничение себя от других, а с другой – идентичность и общество обуславливают друг друга и в этом смысле являются неразделимыми.

Первичная идентичность формируется в отношениях «мать – дитя», затем происходит дальнейшая дифференциация «Я – Другие». Развивается «Мы» как собирательное представление об общности, диаде или группе, к которой принадлежит индивид, о единстве с «Другими-своими», о противостоянии «Другим-чужим», влияющее на динамику психической реальности.

Интеракционистский аспект также раскрывает формирование и проявления идентичности в общении. Идентичность формируется путем «встречающего взаимодействия с другими» [15, с. 38]. Формирование идентичности может произойти только в интерперсональной среде, а ее динамическая структура заключается в двойном соотнесении: вовне и вовнутрь. Поэтому здесь особое внимание уделяется отношениям «Я – Другой», поскольку идентичность интерсубъективна и реализуется при обязательном наличии «Другого». Идентичность становится объектом самопознания в системах «Я – Другой», «Я – Я», т.е. в соотнесении себя с другими и себя с самим собой.

Социально-ролевой подход позволяет исследовать идентичность как социально-психологическую реальность, и данный аспект в большей степени отражает содержание психосоциальной идентичности в том смысле, в котором это понятие используется Э. Эриксоном, или социальной идентичности в современных исследованиях. По мысли Э. Эриксона, психосоциальная идентичность описывает общее состояние, рождающееся на каждой стадии жизненного цикла и являющееся результатом функционирования индивида в определенной системе социальных связей. Анализ социальной идентичности сосредоточен на том ее аспекте, который связан с принадлежностью индивида к социальной группе. В этом смысле социальная идентичность коррелирует с объективно существующими социальными позициями индивида, и здесь большое внимание уделяется развитию идентичности в условиях социальной нестабильности общества, кризису социальной идентичности и условиям его разрешения.

Смыслодинамический аспект анализа идентичности раскрывает ее ценностно-смысловую репрезентацию. Здесь особое внимание уделяется процессам интроспекции, самоанализа и рефлексии. Важно учитывать, что процесс порождения

смысла раскрывается в глубоких личностных переживаниях, в значимых событиях, в критические моменты жизни, в ситуациях перестройки, «трансформации» идентичности и затрагивает глубинные смысловые структуры. В этом случае, как пишет Т.М. Буякас, речь идет о «порождении смысла как ответа всем своим существом, ответа, который исходит из глубинного, целостного ощущения себя. Человек принимает тот смысл, который, как он сам это чувствует, упорядочивает его внутренний мир и открывает ему перспективу жизненного пути» [16, с. 28].

Таким образом, изучение идентичности как реального явления в жизни человека, имея в виду его онтологическое основание, возможно в рамках реконструируемого комплекса социально-психологических измерений, репрезентирующих идентичность.

Теоретическое и методологическое значение понятия «идентичность» связано с его многомерностью как социально-психологического феномена, обеспечивающего человеку форму присвоения и непрерывности переживания опыта, а также психологическую определенность.

Литература

1. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов-н/Д, 1999.
2. Середа Л.В. Персональная идентичность в современном обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1997.
3. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М., 2001.
4. Эриксон Э. Детство и общество / Пер. с англ. Обнинск, 1993.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996.
6. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Моногр. М., 2000.
7. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1999.
8. Трубина Е.Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 1996.
9. Berger P. L., Luckman T. The social structure of reality. Alien lane. L., 1967.
10. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
11. Тард Г. Механизмы защиты // Самосознание и защитные механизмы личности: Хрест. Самара, 2000.
12. Хесле В. Травма и трагедия // Вопр. филос. 1994. № 10.
13. Kohut H. The analysis of the self. N.Y., 1971.
14. Лэйнг Р. Я и другие / Пер. с англ. М., 2002.
15. Лэнгле А. Грандиозное одиночество // Моск. психотерап. журн. 2002. № 2.
16. Буякас Т.М. О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 1.